

ПРАВА В РОССИИ

согласован в системе норм семейного, жилищного, трудового, социального, уголовного, уголовно-процессуального и исполнительного законодательства, а также должен опираться на систему уполномоченных органов власти с четким механизмом взаимодействия. На практике у нас отдельно друг от друга функционируют комиссии по делам несовершеннолетних, органы опеки и попечительства, правоохранительные органы, социальные службы, поставщики социальных услуг, суды (в единичных субъектах РФ суды применяют технологии дружественного по отношению к детям правосудия), органы исполнения наказаний, организации для детей сирот и т. п. Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» вступает в противоречие с Федеральным законом от 28.12.2013 № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в РФ».

Как, например, отмечает в докладе Уполномоченного, нормативно-правовая база, регулирующая деятельность комиссий по делам несовершеннолетних, в настоящее время значительно устарела и не соответствует задачам, стоящим перед комиссиями на современном этапе. В то же время наметившуюся в последние годы тенденцию решения проблем такого регулирования посредством внесения изменений в Закон № 120-ФЗ сложно назвать целенаправленной, системной и эффективной. Более того, разьяснения новых норм Пленумом ВС РФ в Постановлении от 01.02.2011 о судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних, не вносят ясности в этот вопрос. Взаимодействие субъектов профилактики также не регламентировано,

что ведет к их нескоординированной деятельности, разрозненности, дублированию друг друга и в итоге к дисфункции системы, неразумному увеличению штатов, нерациональному использованию бюджетных средств, снижает результативность работы, подчеркивается в докладе.

Серьезная перестройка системы исполнения наказаний в отношении несовершеннолетних, отвечающая направлению гуманизации, была предложена в

Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года. В январе 2015 года несостоятельность преобразования воспитательных колоний для несовершеннолетних в воспитательные центры как одного из основных направлений Концепции признана Счетной палатой Российской Федерации, которая установила, что данная работа проводилась без разработки критериев ее оценки и показателей дости-

жения целей; без объективной оценки целесообразности создания воспитательных центров и учета отечественной специфики исполнения наказаний в отношении несовершеннолетних; преобразования в учреждения ФСИН России были начаты без соответствующего законодательного обеспечения; по отдельным учреждениям фактические расходы на преобразование колоний превысили расчетные потребности почти в 19 раз.

Кроме того, специалистами отмечается необходимость разработки и принятия нового Уголовно-исполнительного кодекса РФ.

Таким образом, следует признать, что изменения по гуманизации уголовного законодательства носят точечный и избирательный характер, не опираются на согласованную систему законодательного регулирования всех этапов, позволяющих достигнуть цели гуманизации.

РОССИЙСКИЕ ЗАКОНЫ НЕ САМЫЕ ЖЕСТКИЕ

Алексей КУРГАНОВ, адвокат, председатель коллегии адвокатов «Курганов и партнеры», г. Москва

Гуманизация уголовного права в России – одна из часто обсуждаемых тем на абсолютно разных дискуссионных площадках. Суть этого вопроса двояка. Что именно нужно (и нужно ли) гуманизировать? Законы? Суды? Следствие? Пенитенциарную систему? Безусловно, подход к таким изменениям должен быть системным, следователю, гуманизировать желательно всю систему. При этом надо понимать, что, например, российские законы не самые жесткие. По сравнению, скажем, с американским, наше уголовное законодательство более чем гуманно. Посудите сами, у нас даже нет смертной казни (на нее введен мораторий, который соблюдается уже 20 лет), а наказания даже за самые тяжкие преступления не превышают 20 лет.

Так, в США действует принцип «ни одно преступление не должно остаться безнаказанным» и наказания за разные эпизоды преступной деятельности арифметически складываются. Складываются в полном объеме, а не как в РФ частично. Таким образом, обвиняемый может получить несколько пожизненных сроков за совершенные им преступления. Да и санкции за менее тяжкие преступления предусмотрены крайне строгие. Вспоминается учительница, осужденная американским судом на 22 года лишения свободы за добровольный секс с несовершеннолетними, однако вполне «сформированными» учениками...

У нас же чрезвычайно строгое антинаркотическое законодательство, и за

то, что в США легализовано (я имею в виду производство и продажу легких наркотиков), в России можно получить наказание от 8 лет лишения свободы и вплоть до пожизненного срока.

Дело в том, что, как считают многие, строгость российских законов компенсируется необязательностью их исполнения. Видимо, имеется в виду коррупционная составляющая, разъедающая исполнительную и судебную системы. Действительно, неотвратимость – это один из главных признаков, которому должно соответствовать наказание. И весь юридический мир уже убедился в том, что неотвратимость наказания работает гораздо успешней чрезмерной строгости. Поскольку большинство преступлений совершается людьми, уверенными, что это им сойдет с рук. Если бы потенциальные преступники были точно уверены, что их преступления не останутся безнаказанными, то вряд ли они стали бы их совершать.

Карательный характер российской системы правосудия держится на трех китах. Первый – это «палочная» система оценки работы следственных органов. Работу следователей у нас оценивают по количеству расследованных дел в единицу времени и тяжести предъявленных обвинений. Считается, что тем лучше следователь работает, чем больше и с более тяжелой статьей дела он расследовал и передал в суд. То есть следователь лишен всякой мотивации на объективное расследование, он заинтересован лишь в том, чтобы дела расследовались в большем количестве и заинтересован в предъявлении более тяжелых обвинений. К чему это приводит? Следователь старается не возбуждать дела, в которых нет очевидных подозреваемых. Зачем ему утруждать себя? Существует даже сленговое название дела, возбужденного не в отношении конкретного лица, а по факту совершения преступления. Такие дела следователи называют «возбужденными всяком». Прокуратура, к слову сказать, мотивирована примерно так же. Поэтому так редки случаи, когда прокурор не согласен со следователем из-за чрезмерного объема обвинения. И, выполняя надзорные функции, прокурор обычно не настаивает на исправлении следствием ошибок, связанных с чрезмерным объемом предъявляемого обвинения, а, как правило, ищет способы это обвинение утяжелить.

Второй кит – это мнимая независимость судебной системы. Суды, согласно конституции, являются независимой ветвью власти. Однако ни для кого

не секрет, что судьи в России независимы только теоретически. А практически судьи поступают так, как «советует» председатель суда, и все они подотчетны высшим инстанциям. Это означает, что за каждый их «промах» в виде оправдательного или «чрезмерно мягкого» приговора, они должны будут оправдываться перед «старшими товарищами». В результате, по статистике, в 2014 году из общей массы приговоров только 4,5% были оправдательными. Помимо «указивок сверху», объективности судебных разбирательств препятствует так называемая устоявшаяся практика. Например, при исследовании дел о превышении необходимой обороны судьи почти всегда решают, что этот предел превышен. Такое ощущение, что государство просто не признает право граждан защищать себя.

Ну и третий кит – чрезмерная политизация всей системы правосудия. Следствие, прокуратура, суд у нас всегда «идут в ногу со временем» и «четко исполняют задание партии». Поэтому в случаях, где замешана политика, надеяться на всесторонность и объективность российского следствия и суда просто наивно.

И, наконец, пенитенциарная система, призванная исправлять оступившихся, работает с прямо противоположным результатом. Те личностные унижения и подчас физическое воздействие в форме невыносимых условий содержания, возможных избиений и издевательства как со стороны администрации, так и со стороны других заключенных квалифицируются ЕСПЧ как пытки. Безусловно, это не способствует исправлению. Напротив, человек, прошедший этот ад, озлобляется, закрывается и зачастую становится потерян для нормального общества. Как следствие – рецидивы. Рецидивы составляющей существенную часть совершаемых преступлений, отсюда и расхожее мнение, что нарушивший закон единожды будет его преступать постоянно.

Как мне кажется, решение всех означенных проблем обусловлено отношением государства к отдельному гражданину. Исправление законодательства – половинчатый шаг, который нивелируется особенностями российского менталитета, долгое время воспитывавшего тоталитарным обществом. Если работники российского правосудия однажды проникнутся идеями особой ценности человеческого достоинства и свободы отдельно взятой личности, карательный уклон правосудия будет изжит.

ПЕРВЫМ ДЕЛОМ – ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ

Дарья КОНСТАНТИНОВА, адвокат, адвокатское бюро «Забайда, Насаткин, Саушкин и партнеры», г. Москва

В настоящее время необходимость гуманизации уголовного права в России имеет колоссальное значение в связи с временной международной изоляцией государства, со снижением экономических показателей и с нестабильной политической ситуацией в мире в целом.

Именно из-за этого, как бы это банально ни звучало, Российской Федерации крайне целесообразно в первую очередь обратить внимание на уголовные преступления в экономической сфере. Необходимо всецело оказывать помощь и поддержку бизнесу, так как в условиях текущей российской действительности очень сложно вести предпринимательскую деятельность. Предприниматель, решая организовать и вести в России бизнес, должен отдавать себе отчет, что будет нести не только экономические риски, но и риски незаконного уголовного преследования, что зачастую намного важнее, так как речь идет о свободе лица и дальнейшем благополучном существовании.

Нужно радикально решить вопрос о реальном дифференцированном применении на практике меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении предпринимателей, поскольку именно этот рычаг используется при оказании давления на бизнес. Кроме того, давно назрел вопрос расширения подсудности уголовных дел рассматриваемых присяжными заседателями, путем

отнесения к их компетенции экономических преступлений. Это позволит значительно повысить доверие к нашей судебной системе, поставив барьер на пути заказных уголовных дел.

Гуманизация уголовного права в России в данных условиях должна быть направлена на тенденцию к декриминализации экономических преступлений. С учетом их характера более уместно применять именно экономические санкции. Вместо ужесточения и ограничений уголовного законодательства гораздо более эффективным регулятором может стать профилактика и последующая реабилитация правонарушителей.

В России заложен колоссальный потенциал, но для развития экономики в первую очередь необходимо создать безопасные условия ведения бизнеса. Особую важность представляет собой обеспечение отделения статуса предпринимателя от статуса мишени для правоохранительных органов.

К сожалению, наше государство делает вид, что не замечает давления на предпринимателей и используемых способов решения обычных корпоративных конфликтов в уголовно-правовой плоскости, а все принимаемые меры по гуманизации наказания в этой области носят лишь декларативный характер. Когда я смотрю на сложившуюся ситуацию, мне вспоминаются слова Шарля Луи де Монтескье: «Как легко дать предмету новое название, так трудно изменить его сущность».

На мой взгляд, главная проблема нашей правоохранительной системы – это нежелание следовать принципам закона, а также приоритет системной практики над изучением вопросов о сущности той или иной нормы и необходимости ее соблюдения.

В России гуманизировать уголовное законодательство реально и необходимо. Процент обвинительных приговоров, связанных с лишением свободы, в отношении экономических составов преступлений в большинстве стран мира неуклонно снижается. Нашей стране также следует придерживаться вектора исключения деловых отношений из сферы уголовно-правовой плоскости. И только осознание важности решения этого вопроса, а также принятие реальных мер для соблюдения и применения на практике метаморфоз текущего законодательства сможет изменить укоренившийся обвинительный уклон правоохранителей.